

Е.Д. Вайсман, М.В. Подшивалова

**АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РОССИИ:
СТРУКТУРНО-ВРЕМЕННОЙ СРЕЗ**

E.D. Vaisman, M.V. Podshivalova

**ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT
OF RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP: TIME-STRUCTURAL SLICE**

Сегодня научное сообщество России активно ищет причины низкой институциональной эффективности, а также возможные пути ее повышения. Исследуются вопросы истории развития и структурной сбалансированности институциональной среды России в контексте теорий институциональных матриц, транзакционных издержек и не-формальных институтов. Показано, что российская институциональная среда исторически была «чужда» интересам предпринимательства с точки зрения рыночной парадигмы. Малый бизнес в России никогда не являлся основой и катализатором экономического роста, даже в периоды активной либерализации и в так называемый золотой век предпринимательства. «Институциональной поддержкой» для отечественных предпринимателей на фоне дефицита необходимых формальных институтов рыночного типа являлись формальные X-институты семейного предпринимательства, государственной поддержки (протекционизма), а также неформальные X-институты общины, персонализированных связей и нелегальной экономики. Современное состояние институциональной среды характеризуется наличием противоречивости внешнего слоя, выстроенного формально по рыночному Y-типу, и внутреннего, неформально координирующего действия экономических агентов по раздаточному принципу (X). Исследованы возможные направления структурных изменений с позиции их воздействия на структурную XY-сбалансированность отечественной институциональной среды. Показано, что основные предпринимаемые правительством антикризисные меры содержат в себе принципы раздатка, но при правильном их применении способны усилить и рыночные институты. Сделан вывод, что на ближайшую перспективу в свете вызовов нового кризиса направление институционального развития по критерию XY-сбалансированности, а следовательно, и связанный с этим устойчивый экономический рост, будут зависеть от эффективности мер по сдерживанию усиления неформальных раздаточных институтов в предпринимательской среде.

СТРУКТУРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ; XY-СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ; ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ; ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ; НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ.

Today, the Russian scientific community is actively seeking causes of low institutional effectiveness, as well as possible ways to improve it. The article examines the issues of history and development of the structural balance of the Russian institutional environment within the theory of institutional matrices, transaction costs and informal institutions. It is shown that the Russian institutional environment has historically been «alien» to business interests in terms of the market paradigm. Small business in Russia has never been the foundation and catalyst for the economic growth, even during periods of active liberalization and the so-called «golden age» of entrepreneurship. With shortages of necessary formal Y-institutions, the institutional support for small businesses comprised formal X-institutions of family business, state support (protection), as well as informal community X-institutions, personalized relations and illegal economy. The current state is characterized by contradictions of the external layer, built on the formal market Y-type, and the internal, informal layer which coordinates actions of economic agents according to the dispensing principle (X). The authors explored the vector of structural changes in terms of their impact on the XY-balance of the institutional environment. The paper shows that the main anti-crisis measures taken by the Government are based on the X-matrix principles, but if properly applied, they can strengthen market institutions. The authors conclude that in the near future the institutional development by the XY-balanced criterion and sustainable economic growth will depend on the effectiveness of measures to curb strengthening the informal vending institutions in the business environment.

STRUCTURE OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT; XY-BALANCE; INSTITUTIONAL MATRICES ; FORMAL INSTITUTIONS; INFORMAL INSTITUTIONS.

Введение. Актуальность исследований, посвященных проблемам некачественного институционального обеспечения отечественной экономики в целом и ее предпринимательского сектора в частности, сегодня не вызывает сомнений. Научное сообщество России активно ищет причины низкой институциональной эффективности, а также возможные пути ее повышения. Решение подобного рода задач осложняется не только спецификой институциональной среды как объекта исследования, но и многоаспектностью, присущей реальным процессам и явлениям. В частности, институциональный «срез» наряду с духовно-культурным, когнитивным (ментальным), материально-технологическим характерен для любой социально-экономической системы и отражает в себе как общие, так и частные, присущие именно этой системе, черты.

Осознавая в полной мере методологическую и практическую сложность научных исследований, посвященных поискам причин институциональной неэффективности, предпримем попытку анализа истории институциональной среды России с целью понять причины ее текущего состояния и выявить тенденции предстоящих изменений.

Методика и результаты исследования. Полагаем, что в соответствии с целью нашего исследования архитектуру отечественной институциональной системы следует анализировать в двухкритериальном разрезе: институционального генотипа и юридического статуса (формальности/неформальности) института. Первый критерий является развитием концепции институциональных матриц, разработанной в трудах С.Г. Кирдиной [1, 2]. Институты, характерные для раздатка (Х-матрицы), отражают стремление к кооперации, «ручному» режиму распределения благ, коллективной (условной верховной) собственности, служебному труду, институты рынка (У-матрицы) – к конкуренции (конкурентный способ распределения благ), наемному труду, частной собственности. С точки зрения исследователей концепции институциональных матриц для России характерна матрица типа Х, которая отличается преобладанием коммунистической идеологии (приоритет «Мы» над «Я»), институтов редиистрибутивной экономики, институтов унитарного (унитарно-централизован-

ного) политического устройства. Матрице типа У присуще преобладание институтов федеративного устройства, субсидиарной идеологии, институтов рыночной экономики.

С нашей точки зрения, концепция институциональных матриц, развитая С.Г. Кирдиной для решения социологических проблем макроуровня, вполне адекватно может быть использована в отношении экономических процессов практически всех уровней. В частности, в нашем исследовании будем полагать, что идея существования генетического кода у института является крайне полезной для исследования причин институциональной неэффективности, поскольку позволяет определять, каким образом выстроен механизм функционирования определенного института: по раздаточному (Х) или рыночному (У) принципу. При этом определение генотипа конкретного института важно не само по себе, а по отношению к генотипу институциональной матрицы страны. Ключевым моментом при анализе любой институциональной среды должно быть понимание того, что «чистых» матриц типа Х или У не существует, поэтому важно то, в каких пропорциях присутствуют в институциональной системе институты соответствующих типов. Так, если в матрице базовые институты выстроены по Х типу, то она идентифицируется как Х-матрица, а дополняющие институты в ней должны быть выстроены по У типу.

Второй критерий, отобранный нами для структурного анализа институциональной среды – юридический статус института – также позволяет выявлять причины низкой институциональной эффективности, поскольку неформальные институты, остающиеся часто вне поля зрения исследователей, зачастую координируют действия экономических агентов там, где слабы формальные институты. По мнению Г. Хелмке и С. Левитски [3], исследовавших влияние неформальных институтов в политологии, «при тщательном институциональном анализе требуется повышенное внимание, как к формальным, так и неформальным правилам», поскольку это необходимо «для понимания побудительных мотивов, которые создают пространство и ставят пределы» для поведения отдельных индивидов. Мы полностью разделяем эту точку зрения и убеждены, что

совокупность неформальных правил существенно влияет на механизм выполнения институтов формальных, т. е. определяет то, как они будут выполняться – по форме или по содержанию.

Исследуя историю развития институциональной среды России в прошлом, мы ограничились периодом с IX в. по начало XX в., поскольку послереволюционный этап развития был связан с радикальными и масштабными изменениями институциональной системы и в итоге повлек за собой вытеснение предпринимательской деятельности из сферы легальной экономики в теневую. Кроме того, исторический анализ имеет ряд ограничений, не позволяющих нам выстроить четкую структуру институциональной среды за столь существенный временной период, в силу чего мы выделили основные формальные и неформальные институты с указанием их генотипа для тех случаев, когда это было возможно.

Институциональные истоки. Обзор научной литературы по истории России, включая историю развития предпринимательства, позволил нам сделать следующие заключения о специфике отечественной институциональной среды.

1. Российской экономике исторически была присуща монополистическая направленность и неразвитость институтов конкуренции и рынка, за исключением отдельных периодов либерализации экономики. На протяжении всего рассматриваемого периода высокоразвитыми были институты государственного протекционизма (генотип X), государственного предпринимательства (внешняя торговля и промышленность), государственной собственности (X), государственной монополии (X), институтов самоорганизации – общины, артели, гильдии (X) и ярмарки (Y). Неразвитыми оставались институты кредитования и страхования (по генотипу Y), частной собственности (Y), стационарной и биржевой торговли (Y), наемного труда (Y), образования и городских поселений. На наш взгляд, хроническая неразвитость институтов рынка восполнялась функционированием институтов самоорганизации – крестьянских общин, артелей ремесленников, купеческих гильдий. Мы допускаем даже, что среди причин неразвитости институтов Y-типа могла

быть их низкая «востребованность» со стороны сложившегося экономического механизма, поскольку община была слаженным социально-экономическим организмом, способным реализовывать самые разнообразные функции. Так, известно, что «мир» (община) выполнял, помимо ключевой своей функции самоуправления, еще и судебные, правоохранительные, нравственно-воспитательные, страховые (круговая порука), фискальные функции, функции социального обеспечения и опеки [4]. Институт общины являлся своеобразным «краеугольным камнем», на базе которого строилась вся институциональная среда России в прошлом.

2. На протяжении исследуемого периода институт среднего класса практически никогда не был развит. Основой формирования этого института в западных странах, как известно, являлось малое предпринимательство, развивавшееся в условиях частной собственности. В истории России эта форма предпринимательства также присутствовала всегда, охватывая все слои населения. Малое предпринимательство (ремесленники, кустари, посадские люди) успешно конкурировало с крупным промышленным производством [5]. Так, например, к началу «капиталистического периода» в крупной промышленности было занято 850 тысяч человек, а в ремесленном и кустарном производстве – несколько миллионов¹. Но роль малого бизнеса в хозяйстве страны кардинально отличалась от его роли в западных экономиках, поскольку иной была институциональная среда его функционирования. В отличие от стран Западной Европы, отечественная институциональная среда была основана на принципах раздатка, а не рынка. Базовыми институтами для экономики того периода были институты самоорганизации, функционировавшие на принципах общинной собственности, т. е. X-институты, которые до 1861 г. оставались неформальными (законодательно не закрепленными). До начала реформ середины XIX в. предпринимательство в крестьянской среде не усиливало социальной дифференциации общины – предпринимательство

¹ Большая энциклопедия русского народа. Институт русской цивилизации. URL: <http://www.rusinst.ru/razdel.asp?rzd=1>

и общинная форма хозяйствования «мирно» сосуществовали. Однако именно расслоение общества позволяет выделять его «среднюю страту». Этот процесс был запущен в России в пореформенный период, когда стали активно внедряться базовые институты рынка (институциональной Y-матрицы): частная собственность на землю и наемный труд, направленные на разрушение ключевого X-института – общины. Земский статистик С.А. Харизоменов [6], изучая влияние кустарных промыслов на крестьянскую общину в пореформенный период, пришел к выводу о том, что «капиталистическая промышленность ускоряет процесс разложения крестьянства на кулаков, средне зажиточных крестьян и бесхозяйный пролетариат, раз только она (предпринимательская деятельность. – *Прим. авт.*) приобретает важное экономическое значение в доходах населения». Тем не менее, малое предпринимательство в России не смогло стать локомотивом экономики даже в период либерализации (развития капитализма). Средний класс так и не был сформирован – общинный строй жизни оказался гораздо более «живучим», чем предполагали реформаторы [7]. Отметим, что в современной России малый бизнес, как и прежде, не является основой средней страты населения и катализатором экономического роста. Согласно исследованиям Института социологии РАН половина представителей отечественного среднего класса (51 %) заняты на государственных предприятиях, что служит еще одним подтверждением «раздаточной сущности» институциональной среды России. Мы убеждены, что современная концепция развития российского малого бизнеса должна быть изменена кардинально. Необходимы поиск и внедрение специфических форм и механизмов функционирования малых предпринимателей, способных раскрыть их потенциал в национальной институциональной матрице.

3. Права и обязанности предпринимателей были жестко регламентированы, их деятельность проходила под непрерывным контролем со стороны государства. Предпринимательские силы использовались властями, прежде всего, для решения общегосударственных задач (национальная оборона и безо-

пасность). Подобный приоритет «Мы» над «Я» характерен для институциональных X-матриц. До начала XX в. отечественные предприниматели не имели возможности воздействовать на курс государственной политики, были высоки транзакционные издержки использования политической системы для перераспределения прав собственности. По мнению большинства дореволюционных юристов, коммерческое законодательство Российской империи как совокупность юридических норм, регулирующих торговую-промышленную деятельность, с точки зрения международного права имело преимущественно полицейско-фискальный характер и радикально отличалось от торговых уложений стран Западной Европы [8]. Более того, формальная институциональная среда, созданная этим сводом законов в конце XVIII в., практически не менялась до середины XIX в. (начала «золотого века» предпринимательства), поэтому можно предположить, что в силу неадекватности формальных институтов действия экономических агентов в тот период координировались неформальными правилами и нормами. Так, в условиях хозяйствования, когда предсказуемость результатов была крайне низкой, защита прав собственности практически отсутствовала, предприниматели самостоятельно решали проблему ущемления своих интересов. В результате высокое значение приобретало наличие персонифицированных связей и функционирование институтов, позволявших снижать высокие транзакционные издержки либо перераспределять их более эффективным образом. Такими институтами были институт брака и семьи (семейная форма предпринимательства (X)), институты самоорганизации (X), негосударственные общественные организации и объединения, институты теневой экономики (X). Показательно, с нашей точки зрения, также и то, что успех иностранцев, имевших бизнес и проживавших в России, во многом зависел от наличия персонифицированных связей, крепости семейно-родственных отношений, общественной активности [9]. Тем самым достаточно очевидным становится влияние российской институциональной среды на поведение иностранных предпринимателей, являвшихся носителями «буржуазного» менталитета, в отсутст-

вии которого многие исследователи прошлого видели причину неразвитости частной инициативы в России.

4. Как показал исторический анализ, теневая экономика (неформальный X-институт) является для России гораздо более устойчивым во времени процессом, чем простое «наследие» советского режима, как это принято считать. Возникновение институтов теневой экономики можно отнести, как минимум, к XVII в., когда после запрета правительством взимания процентов ростовщичество перешло в сферу теневой экономики, а существующий запрет стали обходить – при выписке долгового обязательства к сумме долга заранее приписывалась сумма причитающихся процентов [5]. В XVIII в. русские купцы имели двойной стандарт деловой этики. Исправление квитанций, подмена товара, подделка документов и векселей обнаружены в различных видах предпринимательской деятельности [10]. Помещики прибегали к утайке податных душ [11]. Еще более глубинные корни имеет институт коррупции. Так, уже в источниках XVI в. упоминаются злоупотребления российских властей, вымогавших у иностранных купцов «подношения» [5]. Мы не обнаружили сведений о том, что «уход от налогов» как неформальный X-институт был свойственен крестьянским общинам. Вполне возможно, что он действительно не имел распространения в этой среде, поскольку налоговое тягло платилось всем «миром», распределение его среди семей имело дифференцированный характер (по достатку). Однако известно, что крестьянское население сопротивлялось выплате подушного налога, введенного Петром I вместо подворного обложения. На наш взгляд, эти действия населения нельзя считать институтом теневой экономики, точнее будет использовать термин «неинституциональное поведение».

5. Ключевой причиной стагнации предпринимательства (капитализма) в России как в отечественной, так и в западной науке, признано православное мировоззрение (социально-культурные установки). Но, как показывает история, православные ценности влияют не на саму возможность осуществления предпринимательской деятельности, а на

способы, формы и моральные принципы ведения бизнеса. Подтверждениями данному выводу служат феноменальный успех «старобрядческого предпринимательства» и так называемый золотой век предпринимательства (конец XIX – начало XX в.), когда население России по-прежнему оставалось православным, но при этом его предпринимательская активность возросла в разы. Известно, что этот период активизации частной инициативы сопровождался бурным развитием основных элементов институциональной среды: институтов образования (процент грамотности населения увеличился с 31 для мужчин и 13 для женщин до 54 и 26, соответственно, расходы государства на образование увеличились почти в 8 раз); институтов городских поселений (число городов возросло с 600 до 1000, число горожан в 2,2 раза [12]); частной собственности (однако внедрение данного института в отношении земли встречало активное сопротивление населения – из общины вышло всего 24 % дворов [4]); института ярмарки (в 1865 г. их действовало 6,5 тыс., к 1911 г. – 16 тыс. [5]); института кредитования (к 1914 г. Россия обладала высокоразвитой банковской системой, быстро увеличивалось число провинциальных банков, обществ взаимного кредитования, кредитной кооперации [12]); института наемного труда (рынок рабочей силы развивался параллельно с внедрением института частной собственности на землю). Если говорить о генотипах экономических институтов, то можно отметить, что в «золотой век» предпринимательства активно внедрялись базовые институты Y-матрицы (частной собственности и наемного труда). При этом развитыми оставались такие традиционные формальные X-институты, как государственный протекционизм (таможенная защита от конкуренции, широкое привлечение иностранных инвестиций, содействие материальное и административное в создании и расширении предприятий) и община. Анализируя последствия реформ середины XIX в., одни исследователи результатом видят «русское экономическое чудо», другие – духовно-нравственную катастрофу, завершившуюся крахом Российской Империи. На наш взгляд, мысли основателя экономической антропологии Карла Поланьи, высказанные

им в работе «Наша устаревшая рыночная психология» 1947 г., как нельзя лучше описывают произошедшее в России разрушение традиционного способа хозяйствования и слепое насаждение рыночных институтов: «Либеральная экономика — первая реакция человека на пришествие машин — привела к резкому разрыву с прошлым... земля и труд превратились в товар... подлинное значение этого события можно оценить, только поняв, что труд — это синоним человека, а земля — синоним природы... не экономическая система встроена в социальные отношения, а эти отношения встраиваются теперь в экономическую систему». С позиций теории институциональных матриц, «революция, в конечном счете, приводит к восстановлению институционального равновесия в обществе и возвращает его в рамки эволюционного развития». Так, в начале XX в. революции в России восстановили в новых институциональных формах «институты раздаточной экономики, деформированные в ходе так называемого развития капитализма» [1].

Резюмировать вышеизложенное можно следующим образом: исторически институциональная среда России была «чужда» интересам предпринимательства с точки зрения рыночной парадигмы. «Институциональной поддержкой» для отечественных предпринимателей и их сообществ на фоне дефицита необходимых формальных институций Y-типа являлись формальные X-институты семейного предпринимательства, государственной поддержки (протекционизма), а также неформальные X-институты общины, персонифицированных связей и нелегальной экономики. С точки зрения раздаточной парадигмы, российское институциональное поле не могло и не может быть иным, поскольку именно X-институты являются базовой архитектурой отечественной экономической системы.

Наше настоящее. Насколько же далеко мы ушли от раздаточной сущности национальной институциональной среды сегодня, активно строя рыночную экономику? Для ответа на этот вопрос обратимся к результатам двухкритериального структурного анализа, представленного в таблице. Для выявления существующих в российской среде неформальных институтов мы использовали

информацию, полученную в ходе обзора научной периодической литературы, а также данные различных социологических опросов. Несмотря на то, что концепция институциональных матриц изначально разрабатывалась для макроуровня управления, полагаем, что идея существования генотипа института адекватна и мезо-, и микро-, и мини-уровням социально-экономических систем, в силу чего в аналитическое «поле» нами были включены, помимо макро-, и мини-институты. Однако при описании внутрифирменных институтов, как формальных, так и неформальных, не представляется возможным определить генотип каждого из перечисленных правил (в зависимости от ситуации конкретного бизнеса они могут быть выстроены по рыночному или раздаточному принципу, а в некоторых случаях генотип не может быть определен совсем). Тем не менее, с некоторой долей осторожности мы попытались это сделать в отношении ряда мини-институтов, представленных в таблице.

Данные, представленные в таблице, позволяют заключить, как минимум, следующее.

Очевидно противоречие между генотипом многих неформальных институтов и генотипом тех формальных институтов, с которыми они сопряжены. В частности, функционирование многих формальных Y-институтов зачастую «корректируется» действием неформальных X-институтов. Это не означает, что неформальные правила полностью заменяют собой формальные, речь идет о том, что у экономических агентов в различных ситуациях существует определенный выбор для координации своих действий. И «популярность» (распространенность) неформальных X-институтов является, на наш взгляд, сигналом слабости (неэффективности) формальных Y-институтов. Что касается той части неформальных X-правил, которая связана с теневой экономикой, то, по мнению многих исследователей, причину их устойчивого существования следует искать в цене подчинения закону. Однако мы полагаем, что сущность данной проблемы гораздо сложнее, несмотря на кажущуюся очевидность прагматического подхода к ее решению. В самом деле, если полагать, что экономические агенты всегда и везде просчитывают транзакционные издержки подчинения закону, то это

Структура современной институциональной среды предпринимательства в России

Формальные институты	Генотип института	Неформальные институты	Генотип института
Институты государственного управления			
Налогообложение; оффшорные зоны; налоговые льготы	Y X X	Коррупция ² (плата за «положительный» результат проверки), неформальные правила налоговых проверок («ты мне – я тебе»), «двойная» бухгалтерия (институты теневой экономики)	X
Институты государственной поддержки: адресная поддержка (субсидии, дотации), поддержка в виде грантов (конкурсных программ)	X Y	Персонафицированные связи («свои люди» у власти), «откаты», институт дарообмена	X
Институт выборов (политический) президента, парламентские выборы	Y	Институт преемничества в рамках выборов, институт клиентелы	X
Институты рынка			
Институт частной собственности	Y	Неформальный вариант частной собственности – формальное оформление собственности на друзей и родственников, институты рейдерства и гринмейла	X
Институт кредитования и заимствований	Y	Институт гражданского кредита (устная договоренность между физлицами), институты теневого рынка капиталов, скрытый монополизм государственных банков	X
Институты страхования (рыночное и государственное), страхование вкладов	Y	Институт самострахования	X
Институт конкуренции; бартер, сетевая торговля	Y X	Скрытый монополизм, патернализм отдельных фирм, неформальные инвестиционные соглашения между органами власти и предпринимателями (взносы дофинансирования территорий, коррупционный доход отдельных чиновников ³), институты теневой экономики, институт деловых связей	X
Институт наемного труда	Y	Неофициальное трудоустройство и совместительство, неформальная самозанятость, институт деловых связей	X
Институт рыночного ценообразования, аукционы, тендеры	Y	Институт сговора, институт трансфертного ценообразования	X
Институт государственных закупок (основанный на конкурсах, тендерах)	Y	Институт «раздачи своим» компаниям ⁴ , «откаты»	X
Внутрифирменные институты			
Институты миниуровня (инструкции, положения, кодексы, уставы, нормативы, коллективный договор, технические задания, штатное расписание, трудовые контракты и т. д.)	X/Y	Институты теневого рынка труда, институт «откатов»; неформальные традиции и обычаи фирмы: договоренности о режиме и оплате труда, карьерном росте, распределении работы, о штрафных санкциях	X X/Y
Институт договора (письменная форма), контракта	X/Y	Институт устных договоренностей; институт дарообмена, подарка	X/Y X

² По оценкам ВЦИОМ 75 % россиян считают степень коррумпированности общества крайне высокой.

³ По данным Российского союза промышленников и предпринимателей доля «откатов» по госконтрактам составляет около 30 %.

⁴ По данным Счетной палаты РФ за 2014 г. доля коррупционного вида закупок на федеральном уровне осталась высокой – 29,8 %. В целом по результатам проверок было выявлено 276 нарушений закона о госзакупках на сумму 39,6 млрд руб. URL: audit.gov.ru

означает возврат к методологическому принципу неоклассики – утилитаризму и отход от принципа когнитивной ограниченности. Кроме того, методологический индивидуализм, на котором базируется неoinституциональная теория англо-американской школы, не способен объяснить устойчивое во времени существование неформальных теневых институтов. Принцип институционального детерминизма (социологического институционализма), развитый в постсоветском институционализме, более адекватен феномену устойчивости неформальных X-институтов в России, поскольку позволяет «абстрагироваться при анализе институтов от необходимости учитывать мотивацию человеческого поведения, а сосредоточиться на свойствах институтов, *воспроизводящихся независимо* от того, какие люди живут в институциональной среде и пользуются ею (здесь: курсив автора)» [2]. На наш взгляд, дискуссия о природе институтов теневой экономики должна строиться с учетом двух очевидных фактов. Во-первых, «корни» неформальных раздаточных институтов своей сутью уходят в культурно-нравственные слои социума, несмотря на то, что их действие проявляет себя на экономическом уровне в механизмах распределения ресурсов и благ. Во-вторых, налицо диалектический характер отношений целого и части. Так, каждый индивид, безусловно, попадает под воздействие системы, в данном случае – общественного опыта решения различных задач, запечатленного в сложившейся институциональной среде. В этом смысле принцип институционального детерминизма оправдывает себя. Однако нельзя абстрагироваться от важной способности индивида, которую он вправе реализовать, а именно – способности выбирать свой вариант решения проблемы и соответствующий ему институциональный механизм (принцип методологического индивидуализма).

Еще один вывод, который позволяют сделать нам данные таблицы, состоит в следующем. Налицо высокая «востребованность» в институциональной среде России неформальных X-институтов, которые активно «работают» во всех сферах общественной жизни, позволяя избегать конкурентного принципа распределения благ и услуг («откаты», взятки, продвижение «своих» людей,

фирм, клиентелы; трудоустройство, получение медицинской помощи, решение любых проблем при помощи «связей»). Сегодня существование таких институтов в нашем сознании имеет негативный окрас, поскольку их функционирование – как «игра в одни ворота». Но если взглянуть на них «из глубин времен», то, прежде всего, видна их инвариантность в истории России, и встает логичный вопрос: являются они «институциональными ловушками» или же составляют сущность отечественной институциональной матрицы? Кроме того, открывается некая преемственность этих институтов с национальной формой общественной жизни – «миром». Если раньше соборность общины имела четкое духовное значение, то сегодня наша «соборная ментальность» проявляется в стремлении быть участником общины в ее «модифицированной» форме – широкой сети личных связей, что влечет за собой формирование соответствующего институционального механизма.

В России X-матрица проявляет себя и через патернализм, обратной стороной которого является мировоззренческая установка основной массы его населения, когда государству отводится главная роль в решении даже частных проблем. Ярким примером такого стремления является характер значительной доли вопросов, получаемых Президентом РФ на его конференциях, особенно на последней.

Мы полагаем, что проблема российской институциональной среды заключается в том, что она имеет два слоя: внешний (поверхностный), выстроенный формально по рыночному (Y) типу, и внутренний (глубинный), неформально координирующий действия экономических агентов по раздаточному принципу (X). Не является ли это сигналом того, что руководство страны, увлекаясь заимствованием чуждых нам институтов, пренебрегает спецификой национального институционального устройства? Нельзя не согласиться с историком И.Н. Васевым [13], исследовавшим уникальность русской общины как альтернативы западной концепции гражданского общества, в том, что «отвернувшись от своего исторического прошлого, Россия пытается реализовать заимствованные извне программы местного самоуправления, гражданского общества. Но если эти теории, бу-

дучи выработанными зарубежными интеллектуальными силами для зарубежных же условий, отказываются приносить положительные плоды на почве нашего государства, то управленческая элита только выражает недоумение по поводу неготовности общества жить «цивилизованно». Влияние духовно-культурного и ментального слоев социально-экономической системы на институциональное поведение людей неоднократно отмечалось исследователями трансформационных процессов разных лет. Сегодня уже общепризнанным является тот факт, что «о необратимости институциональных изменений в экономике можно говорить лишь тогда, когда они интериоризованы, затрагивают сферу ментальности, т. е. перемещаются на уровень глубинных базовых представлений, символов и ценностей, которыми люди руководствуются в своем повседневном хозяйственном поведении» [14].

Перспективы на будущее. Исследуем далее возможные направления структурных изменений институциональной системы России. Очевидно, что решение этой задачи невозможно без анализа воздействия существующих кризисных тенденций на ХУ-сбалансированность российской экономики.

Сегодня много говорят о переводе слова «кризис» с китайского. Лингвисты пришли к единому мнению, что использовавшийся долгое время перевод как сочетание двух иероглифов – опасность и возможность является ошибочным. Китайский филолог Виктор Г. Майр из Университета Пенсильвании утверждает, что популярная интерпретация «вэйцзи» как «опасности» и «возможности» является слишком широким «общественным» толкованием. В то время как *вэй* (危) означает «опасный» или «критический», элемент *цзи* (机) имеет довольно много значений, среди которых основным является сочетание слов «критическая точка». Однако в любом случае, примем ли мы ошибочный, но широко распространенный перевод, либо остановимся на уточненном, следует признать, что кризис, помимо негативных последствий, предоставляет экономике еще и шанс для развития.

К сожалению, несмотря на уже достаточное количество выпавших на долю российской экономики такого рода шансов, реали-

зовать их в полной мере не удалось. На успешные результаты надеялись и разработчики Стратегии 2020 (КДР), запланировавшие глубокие структурные изменения отечественной экономики.

Предпримем попытку описать воздействие текущего кризиса как новый шанс (возможность) изменить сложившуюся ХУ-сбалансированность отечественной институциональной среды.

Одним из существенных проявлений кризиса, затрагивающих все уровни управления, является дефицит финансовых ресурсов вследствие ограничения доступа России к рынку капиталов. На макроэкономическом уровне дефицит проявит себя в отношении доходной части государственного бюджета: проблема аккумулирования средств, в первую очередь, будет вызвана снижением цен на нефть и сокращением, в связи с падением деловой активности, налоговых доходов. На мезоуровне проблема дефицита региональных бюджетов обострится существенной дифференциацией территорий по социально-экономическому развитию и несовершенством существующей системы межбюджетных отношений. Кризис вполне закономерно проявит себя и на микроуровне в сокращении платежеспособного спроса населения и снижении числа финансово устойчивых, рентабельных предприятий.

Остановимся подробнее на ключевых мерах по устранению дефицита финансовых ресурсов, которые предпримут экономические агенты.

Сокращение доходов государственного бюджета (по оценкам Правительства РФ, доходы бюджета в 2015 г. сократятся на 3 млрд р.) приведет к обострению проблемы эффективного распределения средств. Наиболее вероятными вариантами решения этой проблемы представляются:

1) сокращение бюджетных расходов, что скажется на снижении присутствия государства в экономике и, соответственно, усилении рыночных механизмов (У-институтов);

2) рост доходной части за счет увеличения налогового бремени увеличит для бизнеса транзакционные издержки подчинения закону. По оценкам Института экономики УрО РАН [15], в кризисный 2008 г. ущерб от теневой экономики в процентах от ВВП воз-

рос в среднем по всем федеральным округам с 19 до 23 %, чему способствовала, с нашей точки зрения, в числе прочих факторов и низкая цена внелегальности. Увеличение налоговой нагрузки на бизнес в кризис делает теневую экономику более привлекательной, что эквивалентно усилению раздаточных неформальных институтов (X);

3) покрытие дефицита бюджета за счет приватизации государственных активов будет способствовать усилению рыночных институтов (Y).

Еще одним следствием кризисных процессов на макроуровне станет нарастание потребности в реформировании государственного управления (прежде всего, судебной системы), направленном на снижение транзакционных издержек защиты прав собственности (усиление Y-институтов).

Вполне закономерно для экономик любого уровня развития организация государственной поддержки отечественных производств в период кризиса. В настоящее время идет активное обсуждение конкретного наполнения правительственной программы господдержки. Отметим однако, что выбор основных инструментов для нивелирования текущего кризиса опирается на опыт предыдущего кризиса 2008–2009 гг., не учитывая при этом различия в природе их происхождения и глубине проявления. По сути, это означает отсутствие ответа на вызовы современного кризиса и, тем самым, формирование новых институциональных ловушек и закрепление старых, среди которых наиболее опасными и закоренелыми являются институты теневой экономики.

Выделим наиболее перспективные варианты реализации механизма государственной поддержки, отметив, что, несмотря на раздаточную сущность данного института, его воздействие на экономику может осуществляться как через усиление рыночных механизмов (Y-институтов), так и через усиление X-институтов.

1. Правительством РФ уже утвержден перечень 199 компаний, которые получают поддержку государства⁵.

⁵ Протокол заседания Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции № 1 от 05.05.2015 г.

В случае если далее бюджетные средства будут распределены среди потенциальных поставщиков этих предприятий на конкурсной основе, то раздаточный механизм господдержки будет уравновешен рыночными институтами распределения средств (усиление Y). Однако отмеченное нами (см. таблицу) ослабление формальных Y-институтов действием неформальных X-институтов дает основание усомниться в эффективности этого варианта, поскольку высока вероятность того, что результатом «работы» института государственной поддержки станет уход в колею неформального X-института «раздачи своим».

2. Другое направление государственной поддержки отечественных производителей – введение санкций на импорт продукции. С одной стороны, эти меры способствуют ослаблению конкуренции, что при прочих равных условиях означает усиление монополизации рынков (институт X). С другой стороны, ужесточению конкуренции (усилению Y-институтов) будут способствовать такие меры, как:

- а) развитие импортозамещения,
- б) увеличение импорта товаров из стран, не попавших под российские санкции,
- в) ослабление санкций России для некоторых стран, о чем в последнее время активно дискутируют эксперты.

Следует отметить, что естественным фактором усиления конкуренции (Y) станет классическое проявление экономического кризиса – снижение платежеспособного спроса, как вследствие снижения зарплат работающим (мера сокращения издержек), так и вследствие роста числа безработных. Однако, как известно, Правительство в условиях ослабления рубля и усиления инфляционных процессов ввело «ручное» управление процессами коммерческого ценообразования – государственное регулирование цен на ряд продуктов (X). Если в будущем данная форма вмешательства в экономику будет расширена, это приведет к существенному ослаблению рыночных институтов (усилению раздатка).

3. Одной из мер государственной поддержки финансового сектора стало принятие решения о докапитализации некоторых банков. В декабре 2014 г. Президент РФ подписал закон о выделении на эти цели до 1 трлн р., или порядка 15 % совокупного капитала рос-

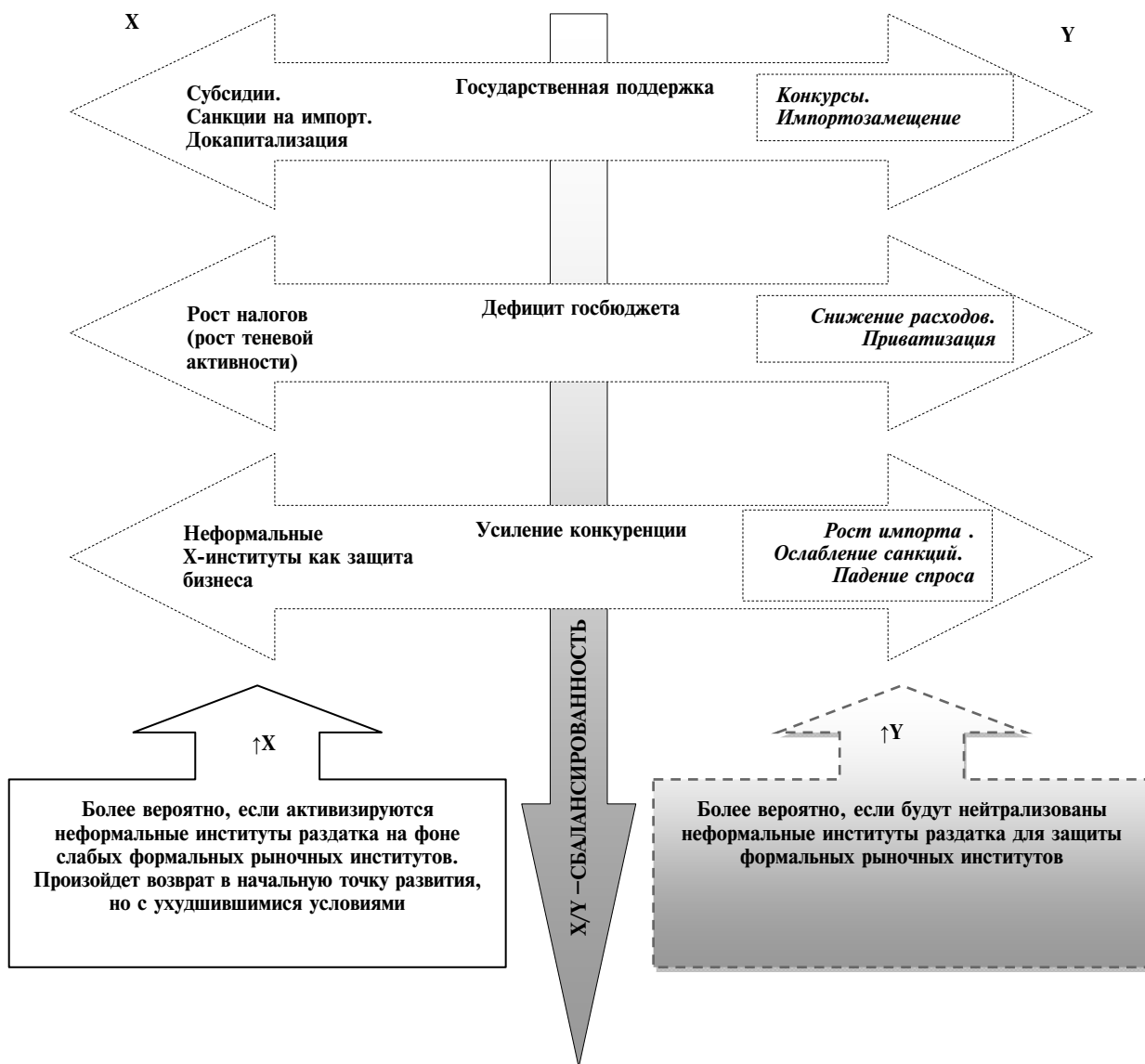

сийской банковской системы, а в феврале 2015 г. АСВ определило 27 банков, которым эта помощь будет оказана. Понятно, что такая мера приведет к усилению монополизации рынка капитала и, тем самым, к усилению институтов раздатка.

Таким образом, в настоящее время реалии нового кризиса требуют от руководства страны целого ряда мер. И с точки зрения институционального подхода практически каждая из них может быть реализована как рыночными методами, так и методами, уси-

ливающимися раздаточные механизмы в экономике. Приведенная схема резюмирует вышеизложенное.

С учетом силы неформальных X-институтов в России, а также низкой цены вневальности существует высокая вероятность того, что развитие формальных Y-институтов в краткосрочной и среднесрочной перспективах частично будет нивелировано их действием. В частности, на усиление конкуренции отечественные предприниматели могут отреагировать уходом «в тень».

Воздействие предстоящих изменений на структурную X/Y-сбалансированность российской институциональной системы

Результаты исследования. История развития отечественной институциональной среды такова, что она не «вписывается» в концепции либеральной экономики, поскольку хронически имеет неразвитые формальные Y-институты. И если в прошлом слабость рыночных институтов наблюдалась на фоне развитых базовых X-институтов и частично компенсировалась неформальными X-институтами, то сегодня институциональное поле можно считать «перевернутым»: на фоне слабых базовых Y-институтов сильны неформальные вспомогательные X-институты.

Выводы. В настоящем и будущем периоде подобное усиление роли неформальных X-правил происходит и будет происходить на фоне активного развития формальных рыночных (Y) институтов, внедряемых в качестве базы институциональной матрицы. Складывается впечатление некоей фатальности развития российской институциональности – порочного круга взаимной обусловленности неразвитых формальных Y-институтов и сопряженных с ними неформальных X-правил, когда последние, нивелируя действие первых, не позволяют им развиваться, а слабость Y-институтов, в свою очередь, способствует «процветанию» неформальных X-институтов.

На наш взгляд, дальнейшее развитие институциональной среды в направлении, сло-

жившемся за последние 20 лет, будет только усугублять проблему «неэффективного» рыночного пространства в России. Выходом из сложившегося тупика является кардинальное переосмысление исторического опыта страны с целью выявления действенных в отечественных институциональных ограничениях (матрице) комбинаций взаимодействия базовых X-институтов и дополняющих их Y-институтов, а не наоборот (как это реализовано в настоящее время).

Теория институциональных матриц свидетельствует о том, что развитие вспомогательных институтов (в данном случае Y-типа) требует «целенаправленных усилий со стороны социальных субъектов». Без этих действий «стихия редистрибуции (раздатка) приводит к экономическому кризису, застою, депрессии» [2]. Этот факт, подтвержденный историей различных стран, включая Россию, обуславливает высокую актуальность и востребованность научных концепций и соответствующего методологического инструментария для решения стоящей сегодня перед государством задачи эффективного институционального проектирования. В частности, остро стоит вопрос развития методологии проектирования институтов государственной поддержки предпринимательства, адаптированной к специфике российской институциональной матрицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 1. С. 101–115.
2. Кирдина С.Г. Теория и практика современного развития отрицают методологию индивидуализма // Экономист. 2008. № 8. С. 58–77.
3. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics, 2004, vol. 2, no. 4, pp. 725–740.
4. Лялин Д.В. Крестьянская община как правовой институт в середине XIX – начале XX вв. // Вестник Екатеринбургского института. 2012. № 3. С. 73–78.
5. Верещагин А.С., Хайртдинов Р.Х. История российского предпринимательства: от истоков до начала XX века. Уфа.: Изд-во УГНТУ, 2009. 245 с.
6. Харизоменов С.А. Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. 1883. № 12. С. 596.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дм. Буланин. 2003. Т. 2. С. 463.
8. Кольчугина С.В. Государственная политика в области предпринимательства и развитие частной инициативы в провинции: по материалам Среднего Поволжья. Вторая половина XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. 239 с.
9. Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства (1860-е гг. – 1914 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. 39 с.
10. Банникова Е.В. «Мятушееся сословие». Противоречия в купеческой среде дореформенной России // IV Междунар. Стахеевские чтения: матер. науч. конф. Т. I. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2009. С. 44–51.

11. Самохин Ю.М. Экономическая история России. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 405 с.

12. Фроянов И.Я. История России от древнейших времен до начала XX века / под ред. И.Я. Фроянова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1992. 368 с.

13. Васев И.Н. Русская крестьянская община как альтернатива концепции граждан-ского общества // Известия Алтайского государственного

университета. 2011. № 2–2. С. 86–88.

14. Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. 2001. № 3. С. 67–77.

15. Экономическая безопасность России: уроки кризиса и перспективы роста / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, М.В. Федорова. Т. 1. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. С. 76.

REFERENCES

1. Kirdina S.G. Teoriia institutsional'nykh matrits: v poiskakh novoi paradig. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2001. № 1. S. 101–115. (rus)

2. Kirdina S.G. Teoriia i praktika sovremennogo razvitiia otritsaiut metodologiiu individualizma. *Ekonomist*. 2008. № 8. S. 58–77. (rus)

3. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. *Perspectives on Politics*, 2004, vol. 2, no. 4, pp. 725–740.

4. Lialin D.V. Krest'ianskaia obshchina kak pravovoi institut v seredine XIX – nachale XX vv. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. 2012. № 3. S. 73–78. (rus)

5. Vereshchagin A.S., Khairtdinov R.Kh. Istoriia rossiiskogo predprinimatel'stva: ot istokov do nachala KhKh veka. Ufa.: Izd-vo UGNTU, 2009. 245 s. (rus)

6. Kharizomenov S.A. Znachenie kustamoi promyshlennosti. *Iuridicheskii vestnik*. 1883. № 12. S. 596. (rus)

7. Mironov B.N. Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). SPb.: Dm. Bulanin. 2003. T. 2. С. 463. (rus)

8. Kol'chugina S.V. Gosudarstvennaia politika v oblasti predprinimatel'stva i razvitie chastnoi initsiativy v provintsii: po materialam Srednego Povolzh'ia. Vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.: avtoref. dis. ... kand.

ist. nauk. Penza, 2003. 239 s. (rus)

9. Vishniakov-Vishnevetskii K.K. Inostrantsy v strukture peterburgskogo pred-pri-nimatel'stva (1860-e gg. – 1914 g.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. SPb., 2005. 39 s. (rus)

10. Bannikova E.V. «Miatushcheesia soslovie». Protivorechiia v kupecheskoi srede dore-formennoi Rossii. *IV Mezhdunar. Stakhevskie chteniia: mater. nauch. konf.* T. 1. Elabuga: Izd-vo EGPU, 2009. S. 44–51. (rus)

11. Samokhin Iu.M. Ekonomicheskaiia istoriia Rossii. M.: GU VShE, 2001. 405 s. (rus)

12. Froianov I.Ia. Istoriia Rossii ot drevneishikh vremen do nachala XX veka. Pod red. I.Ia. Froianova. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1992. 368 s. (rus)

13. Vasev I.N. Russkaia krest'ianskaia obshchina kak al'ternativa kontseptsii grazhdan-skogo obshchestva. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 2–2. S. 86–88. (rus)

14. Balabanova E.S. Osobennosti rossiiskoi ekonomicheskoi mental'nosti. *Mir Rossii*. 2001. № 3. S. 67–77. (rus)

15. Ekonomicheskaiia bezopasnost' Rossii: uroki krizisa i perspektivy rosta. Pod red. V.A. Chereshneva, A.I. Tatarkina, M.V. Fedorova. T. 1. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2012. S. 76. (rus)

ВАЙСМАН Елена Давидовна – профессор Южно-Уральского государственного университета, доктор экономических наук.

454080, пр. Ленина, д. 76, г. Челябинск, Россия. E-mail: vaisman_elena@mail.ru

VAISMAN Elena D. – South Ural State University.

454080. Lenin av. 76. Chelyabinsk. Russia. E-mail: vaisman_elena@mail.ru

ПОДШИВАЛОВА Мария Владимировна – доцент Южно-Уральского государственного университета, кандидат экономических наук.

454080, пр. Ленина, д. 76, г. Челябинск, Россия. E-mail: pods-mariya@yandex.ru

PODSHIVALOVA Mariia V. – South Ural State University.

454080. Lenin av. 76. Chelyabinsk. Russia. E-mail: pods-mariya@yandex.ru
